

ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА БАЙКОВА

преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
divalil@ya.ru

ТИПОЛОГИЯ ИМЕН ГЕРОЕВ ОНЕЖСКИХ БЫЛИН И «КАЛЕВАЛЫ»

Приводится типология этимонов, лежащих в основах некоторых имен онежских былин и «Калевалы». Выявляются сходства и различия в пространственной организации двух эпосов, а также особенности их ономастических систем. Кросскультурный подход позволяет сравнить два эпоса на ономастическом уровне и выделить значимые черты языкового мышления разных этносов, обнаружить в их культурах частное и общее.

Ключевые слова: этимон, имена собственные, эпосы, типология, ономастика, локусы

Носители имен собственных в онежских былинах и «Калевале» тесно связаны с эпической пространственной организацией. Систематизация случаев локальной и функциональной отнесенности героев онежских былин и «Калевалы» позволяет выявить мотивированные и немотивированные имена и представить их типологию.

В былинах эпическое пространство делится на следующие зоны: *поле*, *горы*, *реки*, *море*, *озера* [8; 34]. При этом *небо* как отдельный локус не выделяется, так как действия героев происходят, как правило, в горизонтальной плоскости.

В «Калевале» выделяются те же самые локусы за исключением гор, потому что герои в основном действуют на воде или у воды, в лесу или на небе. В отличие от былин в «Калевале» с локусом *небо* связаны функции персонифицированных природных явлений, обозначенных в эпосе именами собственными (3 имени): *Päivätär* (*Дочь Солнца*) (6 словоупотреблений), *Kuutar* (*Дочь Луны*) (7), *Otavatar* (*Дочь Медведицы*) (1). Они выступают в роли помощников людей – пряут золотые и серебряные нити, из которых затем искусно вяжут приданое будущим невестам [4; 58], [7; 51]. Каждое имя восходит к названию светила: *päivä* ('солнце') + *tär*, *kuu* ('луна') + *tar*, *Otava* ('Большая Медведица') + *tar* [13]. Помимо имен обожествленных небесных светил в «Калевале» есть мотивированные имена, производные от *ilma* – 'воздух', 'небо': *Ilmarinen* (*Ильмаринен*) (426), *Ilmatar* (*Ильматар* – божество воздушной стихии) (3). *Ильмаринен* выковал небосвод [4; 366], [7; 544], а *Ильматар*, перевоплотившись в хозяйку воды (*ve'en etäntä*), родила в море старца и песнопевца Вайнямёнена. Возглавляет иерархию небесных божеств верховный бог Укко (21). Имя *Ukko* восходит к апеллятиву *ukko* 'старик', 'дед' [13]. Именно таким – в образе грозного старика – представлялся древним финнам и карелам небесный бог, от которого зависело состояние погоды и будущий урожай. Его имя легло в основу многих имен нарицательных, обозначающих погодные явления: *ukkositma* – гроза, *ukko* –

skuuro – ливень с грозой, *ukkospilvi* – грозовая туча, *ukkossade* – дождь с грозой.

В былинах самым распространенным локусом является *поле* – «это обычное местопребывание богатыря и основная пространственная зона для перемещений» [8; 34]. С былинным локусом *поле* связаны такие имена, как *Долгополянин* (1) и *Викула Селянинович*. Однако в своей основе этимон *поле* содержит лишь имя *Долгополянин*, которое образовалось «из сложения основ *долг(ое)* + *пол(е)* + суффикс лица *-ин*» [10; 73]. На отнесенность *Викулы Селяниновича* (8) к локусу *поле* может указывать лишь словесное окружение. Его имя сопровождается приложением *ратай великии*. Слово *ратай* означает «оратай, пахарь, земледелец» [3; 86]. Кроме того, ратаем мог называться ратник, воин [3; 86]. *Викула Селянинович* совмещает в себе оба качества: трудится в поле и помогает Вольге Всеславьевичу сражаться с врагами [2; 108]. На социальную принадлежность *Викулы Селяниновича* к крестьянской среде указывают его отчество, производное от слова *селянин* [3; 597] – «поселянин, крестьянин, сельский хозяин, пахарь; сельский житель» [3; 172].

В «Калевале» с полем локально и функционально связан один персонаж – *Sampsa Pellervoainen* (*Сампса Пеллервойнен*) (7). Первую часть имени *Sampsa* ученые возводят к «нем. *Semse*, *Simse* 'kaisla' ('камыш')» [15]. Второй компонент имени *Pellervoainen* является производным от *pelto-* 'поле' [15]. *Сампса Пеллервойнен*, сын поляны, выполняет функции божества плодородия [6; 183]: помогает Вайнямёнену засевать поля, луга и леса травами и деревьями [4; 43], [7; 25].

Рассмотрим локус *горы*. В былинном ландшафте, по замечанию Ю. С. Неклюдова, довольно редко встречаются горы [8; 33]. Однако обращает на себя внимание немалое количество имен, восходящих к этимону *гор-* (7 имен), в частности *Горынище* (8), *Горынице* (5), *змеище* *Горынчище* (3), *Святогор* (*Святыгор*) (61). Все рассматриваемые имена контекстуально мотивированы и объединены общим компонентом *гор-*. Носители этих имен локально связаны с горами. *Горынище*

и *Горынчицо* – два варианта имени, принадлежащего змее, обитающей в пещерах *Сорочинских гор* [2; 54, 475]. Имя богатыря *Святогора* (62) также восходит к эпическому топониму. Место его пребывания – *Святые горы* [2; 97].

В «Калевале» функции героев практически не связаны с локусом *горы*. Действия чаще происходят в *лесу*, представлен целый сонм лесных духов, которые индивидуализируются при помощи имен собственных. Главная роль лесного хозяина принадлежит *Тапио* (54). Имя *Tapio*, предположительно, восходит «к охотничьему термину эстонского происхождения *taba*, которое имеет значение 'lukko' – 'замок, затвор', а также связывается с понятием *ansa* '1. силок, петля'; 2. 'ловушка, западня' – 'silmukkaryydys', 'ловля рыбы петлями, силками'» [15]. От Тапио зависит удача на охоте. Тапио является владельцем леса и называется *isäntä, ainon Tapio* [4; 349], [7; 520], что в переводе означает 'хозяин, батюшка', 'великодушный Тапио', а также *metsän ukko* – 'лесной старец' [4; 122], [7; 146], *metsän kultainen kuningas* – 'лесной золотой король' [4; 123], [7; 148]. Во владении Тапио находятся лесные сокровища, хранящиеся в кладовых, ключи от которых носит его жена *Миэлкки* [4; 119], [7; 144]. Управлять лесным царством *Метсона* ей помогают: *Дева Можжевельника* (*Katajatar*) (1), *Дева Сосен* (*Hongatar*) (1), *Дева Рябины* (*Pihlajatar*) (1), *Дева Черемухи* (*Tuometar*) (1). Эти имена являются производными от названий сакральных деревьев: *kataja + tar, honka + tar, pihlaja + tar, tuomi + tar* [11; 57]. В функции *Миэлкки* и духов деревьев входит патронаж домашнего скота, пасущегося в лесу [4; 262], [7; 383].

В отличие от «Калевалы» *лесное пространство* в былинах почти не встречается, а к этимону *лес* восходит лишь один антропоним – *Полешанин* (1), производный от топонима *Полесье* [12].

Водное пространство встречается как в былинах, так и в «Калевале». В онежских былинах с локусом *вода* связан один мифологический персонаж – *Водяной* (8) (*Морской* (18), *Поддонный* (1)), царь, который выполняет одну из главных ролей в былинах новгородского цикла. Конкретизацию образа Водяного царя в былинах можно увидеть в описаниях подводного царства, в котором проводятся пиры, как при князе Владимире [2; 641], в упоминаниях деспотичности Водяного царя [2; 103]. Ему вынуждены платить дань купцы во время путешествий по морю [2; 649]. Следовательно, его фигуру нельзя назвать эпизодической и маловажной в контекстах рассматриваемых былин.

Кроме того, в онежских былинах следует выделить имена, производные от названий рек: *Дон Иванович* (7) и *Дунай Иванович* (211). По свидетельству М. Фасмера, гидронимы *Дон* и *Дунай* восходят к «авест. *dānu*- ж. "река", осет. *don* "река, вода", др.-инд. *dānu* ср. р. "сочащаяся жидкость" ...» [12]. Б. Н. Путилов также отмечает, что в Древней Руси эти слова были не только обозначением рек, но и мужскими именами

собственными [9; 159], а в былинах «название реки и имя оказываются связанными воедино» [9]. Так, *Дунай* после своей смерти превращается в реку: «Где пала Дунаева головушка, / Протекала речка Дунай река, / где пала Настасына речка Настасья река» [2; 191]. В эпосе имена приобретают мифологический смысл: после смерти Дуная и его жены Настасьи, Дона и Непры рождаются одноименные реки.

В «Калевале» также встречаются имена собственные, восходящие к основам с водной семантикой (5 имен). Например, имя главного героя – *Väinämöinen* (*Вяйнямейнен*) (1043) восходит к лексеме *väinä*, что в переводе с финского означает 'широкая, глубокая и тихая река' [13]. С водной семантикой связаны и этионы параллельных имен Вяйнямейнена: *Suvantolainen* (2) восходит к слову *suvantö* – 'плёс (участок реки со спокойным течением)' [1], *Uvantolainen* (3) производное от *uva* – 'спокойное течение реки' [15]. Кроме того, в «Калевале» обнаруживается целая группа имен, принадлежащих водным духам. Среди них *Axmo* (*Ahto*) (11) занимает главенствующее положение, так как является хозяином воды. В отличие от былинного *Водяного царя*, у *Axmo* есть супруга, хозяйка воды *Велламо* (6). Имя *Vellamo* также является мотивированным, так как восходит к глаголу *velloa*, который имеет значения '1. плескать; 2. бушевать, бурлить, кипеть (о волнах, воде)' [13]. Таким образом, имя хозяйки воды указывает на ее функции в эпосе. У *Axmo* и *Велламо* есть дети, которые носят коллективное имя *Vellamon peiot* (*Девы Велламо*) (3), представляющее собой генетивную конструкцию, построенную по модели «имя собственное в р. п. + имя существительное во мн. ч.». Первый компонент имени указывает на происхождение персонажей, в частности на их принадлежность к матери *Велламо*. Таким образом, *Девы Велламо* выполняют в эпосе роль русалок, обитающих в подводном царстве *Axtolta* [4; 65], [7; 61].

Итак, в отличие от онежских былин в «Калевале» преобладают мифонимы, этимологически связанные с водной семантикой, широко представлен спектр имен лесных духов, а также имен, восходящих к названиям небесных светил, встречаются имена, производные от слова *ilmā* (*небо*). Вероятно, это свидетельствует о том, что с развитием эпической поэзии в русском эпосе постепенно происходит утрата мифологических элементов, на первый план выходят события исторические [5; 151]. Карело-финские руны калевальского цикла, составившие основу «Калевалы», представляют собой эпос архаический, «догосударственный» [5; 150], сохранивший мифологический пласт лексики, в котором отразились религиозные верования народа, связанные с представлениями о том, что все окружающие природные стихии имеют своих духов-хозяев. Эта особенность нашла свое отражение в именах собственных. Однако, несмотря на различия ономастических систем былин и «Калевалы», можно обнаружить ряд типологически сходных

моментов, связанных с языковым мышлением разных этносов: во-первых, значимые персонажи в эпической поэзии всегда обозначаются именами собственными, во-вторых, имена группируются в зависимости от функций и локальной принадлежности героев. В-третьих, эпические имена всегда несут в себе этнокультурную

информацию. Типологические сходства можно обнаружить и в организации эпического пространства, членимого на ряд значимых локусов: *небо, вода, лес, горы, поле*. И вместе с тем анализ имен собственных, принадлежащих героям, выявляет специфические черты пространственно-го деления для каждого эпоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой финско-русский словарь. М., 1999. 816 с.
2. Гильфединг А. Ф. Онежские былины: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1949. 735 с. Т. 2. М.; Л., 1950. 810 с. Т. 3. М.; Л., 1951. 670 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1989. 700 с. Т. 3. М., 1990. 555 с. Т. 4. М., 1991. 683 с.
4. Калевала. Карело-финский народный эпос / Перевод Л. П. Бельского. Петрозаводск, 1985. 381 с.
5. Карху Э. Эпос и мифосознание // Север. 1993. № 2. С. 149–160.
6. Карху Э. Г. Элиас Лённрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. 237 с.
7. Лённрот Э. Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Перевод Э. Киуру, А. Мишина. Петрозаводск, 2001. 583 с.
8. Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былине // Славянский фольклор. М., 1972. С. 18–45.
9. Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах. Боги, герои, люди. СПб., 2001. 368 с.
10. Тарланов З. К. Герои и эпическая география былин и «Калевала». Петрозаводск, 2002. 241 с.
11. Уренская В. В. Проблема имени собственного в эпическом тексте: оригинал и переводы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки». 2010. № 7 (112). С. 56–58.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. СПб., 1996. 576 с. Т. 3. СПб., 1996. 831 с.
13. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1978. (XII) N. VI. S. 1677–1899. Helsinki, 1981. (XII) N. I. 204 s. Helsinki, 1983. (XII) N. II. S. 205–480.
14. Suomi-venäjä-suomi-sanakirja. Juväskylä, 2006. 536 с.
15. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Joensuu, 1981. 415 с.
16. Haavio M. Suomalainen mytologia [Osa 2]. (1) Porvo-Helsinki, 1967. 279 с.

Baykova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

TYPOLOGY OF PROPER NAMES USED IN ONEGA HEROIC POEMS AND “KALEVALA” EPOS

Topology of etymons forming the basis of some proper names found in Onego heroic poems and “Kalevala” epos is provided. The similarities and differences of the epic spatial organization, as well as some peculiarities of various onomastic systems are studied. The use of the cross-cultural approach helped to compare the two epic poems on the onomastic level and to define significant features of linguistic thinking inherent to different ethnic groups, as well as to reveal the particular and the general in their cultures.

Key words: etymon, proper nouns, epos, typology, onomastics, loci

REFERENCES

1. *Bol'shoy finsko-russkiy slovar'* [Big Finnish-Russian dictionary]. Moscow, 1999. 816 p.
2. Гильфединг А. Ф. *Onezhskie byliny* [Onega heroic poems]. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1949. 735 p. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1950. 811 p. Vol. 3. Moscow; Leningrad, 1951. 670 p.
3. Даль В. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 volumes. Vol. 1. Moscow, 1989. 700 p. Vol. 3. Moscow, 1990. 555 p. Vol. 4. Moscow, 1991. 683 p.
4. *Kalevala. Karelo-finskiy narodnyy epos* / Perevod L. P. Bel'skogo [Karelian-finnish folk epic / Translated by L. P. Belskiy]. Petrozavodsk, 1985. 381 p.
5. Карху Э. Epic and mythological consciousness [Epos i mifosoznaniye]. *Sever* [North]. 1993. № 2. P. 149–160.
6. Карху Э. Г. Elias Lennrot. *Zhizn' i tworcheshvo* [Elias Lönnrot. Life and creative work]. Petrozavodsk, 1996. 237 p.
7. Лённрот Э. *Kalevala: Epicheskaya poema na osnovye drevnikh karel'skikh i finskikh narodnykh pesen* / Perevod E. Kiuru, A. Mishina [Kalevala: Epic poem based on ancient Karelian and Finnish folk songs / Translated by E. Kiuru, A. Mishin]. Petrozavodsk, 2001. 583 p.
8. Неклюдов С. Ю. Time and space in a heroic poem [Vryemya i prostranstvo v byline]. *Slavyanskiy fol'klor* [Slavic folklore]. Moscow, 1972. P. 18–45.
9. Путилов Б. Н. *Drevnyaya Rus' v litsakh. Bogi, geroi, lyudi* [Ancient Rus in faces. Gods, heroes, people]. St. Petersburg, 2001. 368 p.
10. Тарланов З. К. *Geroi i epicheskaya geografiya bylin i “Kalevaly”* [Heroes and epic geography of heroic poems and “Kalevala”]. Petrozavodsk, 2002. 241 p.
11. Уренская В. В. The problem of a proper name in an epic text: the original and translations [Проблема имени собственного в эпическом тексте: оригинал и переводы]. *Uchenyye zapiski Pyetrozavodskogo gosudarstvennogo universityeta. Seriya: “Obshchestvennye i gumanitarnye nauki”* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Social sciences and humanities]. 2010. № 7 (112). P. 56–58.
12. Фасмер М. *Etimologicheskiy slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. In 4 volumes. Vol. 1. St. Petersburg, 1996. 576 p. Vol. 3. St. Petersburg, 1996. 831 p.
13. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1978. (XII) N. VI. S. 1677–1899. Helsinki, 1981. (XII) N. I. 204 s. Helsinki, 1983. (XII) N. II. S. 205–480.
14. Suomi-venäjä-suomi-sanakirja. Juväskylä, 2006. 536 с.
15. Turunen A. *Kalevalan sanat ja niiden taustat*. Joensuu, 1981. 415 с.
16. Haavio M. *Suomalainen mytologia* [Osa 2]. (1) Porvo-Helsinki, 1967. 279 p.